

Когда небо начало светлеть, первый луч солнца проник через деревянное окно и осветил комнату.

Яркий свет пробился сквозь веки Ши Ло, и он открыл глаза. Немного посидел на кровати, приходя в себя, потянулся и вынул из-под подушки кошелек.

Хотелось пересчитать, сколько серебра осталось после продажи женьшеня и покупки подарков семье Цзян.

Вчера в городке он купил два рулона ткани: хлопчатобумажное полотно за пятьсот вэней и льняное за триста пятьдесят. Вместе вышло восемьсот пятьдесят вэней.

Ещё он купил себе два комплекта нижней одежды за шестьсот вэней и готовый наряд за пятьсот.

Лента для волос Нянь-гэера и шелковый цветок для Цинцин обошлись в тридцать пять вэней. Бумага сюаньчжи для Цзян И — в триста.

Крем для рук с османтусом для дядюшки Шэня стоил тридцать пять вэней, а две баночки защитной мази от змей и насекомых для дядюшки Цзяна и Цзян Чухана — сто.

Всего, по его подсчётам, он потратил два лян серебра и двести двадцать вэней. Осталось девяносто семь лянов и семьсот восемьдесят вэней.

Сейчас дядюшка Шэнь, наверное, готовил завтрак. Ши Ло отложил тридцать лянов и отправился его искать. Только боялся, что тот откажется их взять.

Сжимая тридцать лянов в руке, Ши Ло нерешительно остановился перед Шэнь Чэнем. Пальцы невольно трели серебро, сердце бешено колотилось.

Шэнь Чэнь доставал из горшка возле плиты маринованные огурцы. Ши Ло глубоко вдохнул и тихо произнёс:

— Дядюшка Шэнь, вот... вот эти деньги возьмите, пожалуйста.

Голос слегка дрожал. С надеждой и беспокойством на лице он пристально следил за выражением дядюшки, боясь пропустить малейшую перемену.

А в душе спорил сам с собой: «Он согласится? А вдруг решит, что я держусь с ними как с чужими?..»

Шэнь Чэнь поднял голову, взглянул на серебро, и в его глазах промелькнуло удивление.

Ши Ло поспешил объяснить:

— Дядюшка Шэнь, я получил за женьшень сто лянов. А это небольшой знак моей благодарности. Пожалуйста, не отказывайтесь!

С этими словами он попытался вложить деньги ему в руку.

Но Шэнь Чэнь мягко остановил его.

У Ши Ло ёкнуло сердце.

— Дядюшка Шэнь! — взволнованно заговорил он. — Тогда считайте, что просто храните их для меня! Если когда-нибудь срочно понадобятся, вы мне их отдадите.

Боясь нового отказа, он торопливо добавил:

— К тому же мы с братцем Ханом вместе ходили за этим женьшенем в горы!

Он обеими руками крепко сжимал серебро и почти умоляюще смотрел на дядюшку, только бы тот не отказал снова.

В конце концов Шэнь Чэнь не устоял перед этим просящим взглядом и принял деньги.

Утреннее солнце пробивалось сквозь бумажное окно и освещало плиту.

Над кухней семьи Цзян уже поднимался дымок. Шэнь Чэнь помешивал железной ложкой булькающую кашу с дикими травами, и золотистая рисовая пенка блестела в рассветных лучах. Как раз сейчас дядюшка Шэнь поставил на стол последнюю тарелочку маринованных огурцов.

Из глиняных мисок поднимался пар. Поверхность каменного стола была вытерта до блеска и отражала тонкие полосы утреннего света, проникавшего из-под карниза.

Ши Ло держал бамбуковые палочки, слегка погрузившись в мысли. Хотя после перемещения прошло уже немало времени, некоторые обыденные мгновения всё ещё внезапно трогали его до глубины души. Вот как сейчас.

Цзян Юань сидел на корточках и приводил в порядок охотничьи принадлежности. Именно таким Ши Ло всегда представлял себе отца.

— Ло-гээр, попробуй вот это.

Цзян Чухан вдруг подвинул к нему небольшую тарелку со светло-зелёными огурчиками.

— Младший папа позавчера их замариновал. С кашей очень вкусно, приятно оттеняют её вкус.

Хрустящий огурчик лопнул на языке, и Ши Ло довольно прищурился. Какой свежий, восхитительный вкус!

Рядом послышался сдержанный смешок Цзян Чухана. Его загрубевшие пальцы касались края глиняной миски.

— Ахан, чего это ты так странно посмеиваешься? — Шэнь Чэнь притворился, будто хочет стукнуть сына по лбу. Серебряный браслет на его запястье мелодично звякнул. — Маленький фазан, которого твой отец вчера поймал в горах, ещё не приготовлен. В обед потушу его, чтобы вы сил набрались.

Последние слова были обращены к Ши Ло; на лице Шэнь Чэня появилась тёплая улыбка.

Ши Ло на мгновение замер с миской каши в руках. Горячая глина приятно грела ладони.

Когда исчез последний кусочек маринованного огурца, Цзян Юань неожиданно прокашлялся:

— Ло-гээр, считай наш дом своим. Не стесняйся. Если что-нибудь понадобится, говори мне или дядюшке Шэню. Или Ахану.

Ши Ло посмотрел на солнечные отблески, дрожащие на дне миски, и почувствовал, как к горлу подступает ком.

Тепла, которого ему не хватило за двадцать лет жизни до перемещения, оказалось здесь, в чужом мире, столько, что от одной каши в простой глиняной миске сердце становилось мягким и беззащитным.

— Братик Ло, лови!

Цзян Цин бросила ему горячую кукурузную лепёшку на пару, а ещё разломила варёное яйцо пополам. Белок был гладким, желток — блестящим и жёлтым.

Ши Ло опустил голову к каше; ложка негромко звякала о край миски. Цзян Цзиннянь вдруг положил на его тарелку половинку яйца. Желток отражался на грубой керамике крохотной луной.

После завтрака утренний свет косо прошёл сквозь бамбуковую занавеску и нарисовал на каменных скамьях тени семи пар деревянных палочек. Охотничий нож и лук Цзян Чухана безмолвно лежали в углу двора.

<http://bllate.org/book/26911/3280596>